

Глава 4. Откровения отцов и детей

На следующий день Фэн Бэйцэ проснулся первым. Умывшись и сполоснув рот, он тихонько выскользнул из спальни и направился на кухню. Ему хотелось собственноручно приготовить еду для больного сына — пусть даже это будет всего лишь простая миска рисовой каши.

Когда он вернулся, Ань Цзыянь уже проснулся. Ань Цзыпин сегодня снова пропустил занятия в Императорском учебном кабинете и теперь вовсю болтал, устроившись на краю постели. Говорил, впрочем, один лишь младший брат, а старший тихо лежал и внимательно слушал его, время от времени слабо улыбаясь.

Фэн Бэйцэ подошёл ближе. Заметив папу, Цзыпин нехотя поднялся и уступил ему место.

— Янь-эр, как ты себя чувствуешь сегодня? — Фэн Бэйцэ присел на край постели и нежно помог сыну приподняться, устраивая его поудобнее на своих плечах.

— Папа, мне уже гораздо лучше, — отозвался Ань Цзыянь. Голос его всё ещё звучал слабо, но в нём уже чувствовалась прежняя сила.

— Пин-эр, принеси воду для полоскания и чашу.

Цзыпин послушно взял со стола всё необходимое и бережно помог брату умыться. Как только он унёс приборы, Фэн Бэйцэ взял с низкого столика тёплую миску со свежесваренной кашей и, как накануне вечером, стал осторожно, ложка за ложкой, кормить Цзыяня. Когда миска опустела, Цзыпин забрал её, поставил на поднос и велел слугам всё унести.

— Пин-эр, почему ты сегодня опять не в Императорском учебном кабинете? — Фэн Бэйцэ строго посмотрел на младшего сына. Солнце уже поднялось высоко, утренние занятия давно начались, а Цзыпин всё ещё бездельничал дома. В душе папы шевельнулось недовольство.

— Папа, но ведь брат через несколько дней уедет! Позволь мне побыть с ним подольше. Кто знает, когда мы увидимся в следующий раз! — с обезоруживающей прямоотой возразил Цзыпин.

Фэн Бэйцэ не нашёл что ответить. Он замолчал, уязвлённый словами младшего сына. Да и как он мог спорить, если сам по той же причине не отходил от постели старшего ни на шаг?

— Папа? О каком отъезде речь? Куда вы собираетесь меня отправить? — Ань Цзыянь растерянно переводил взгляд с отца на брата, замечая их помрачневшие лица.

Из-за слабого здоровья он с самого детства не покидал пределов поместья принца-регента. Отец и папа никогда не пускали его в дальнюю дорогу, боясь, что в пути случится приступ и помочь будет некому. Но почему теперь, когда он едва оправился от смертельного недуга, его

хотят отослать? Неужели они больше не боятся за его жизнь? Как бы Цзянь ни размышлял, он не находил ответа. Очевидно, пока он лежал без чувств, произошло нечто важное, о чём ему ещё не успели рассказать.

— Братец, дело в том, что...

— Давай я сам всё объясню, — мягко перебил младшего Фэн Бэйцэ, посчитав, что такой разговор не терпит детской поспешности. — Пока ты был без сознания, в поместье пришёл один удивительный мастер. Он-то и спас тебе жизнь. Твой недуг на время отступил, но чтобы исцелиться окончательно, тебе придётся отправиться с этим старцем на гору Небесного Духа. Только там твою болезнь смогут вылечить навсегда. — Голос Фэн Бэйцэ дрогнул от подступившей печали. — На самом деле ты должен был уехать ещё вчера. Но ты — любимый сын своего отца. Я не хотел, чтобы вы расстались, не попрощавшись, и вымолил у мастера пятидневную отсрочку. Если твой отец не успеет вернуться к этому сроку, что ж... значит, такова судьба.

— Значит, если я останусь... меня ждёт смерть? — тихо спросил Ань Цзянь.

Собственная кончина его давно не пугала, он смирился с неизбежным. Однако вспомнив, как во время забытья его душа парила над этой комнатой и видела искренние слёзы близких, он осознал, что умирать ему совсем не хочется. Какое горе он принесёт им своим уходом! Путь на гору Небесного Духа обещал быть долгим, а разлука — бесконечной, но это всё же лучше, чем могильный холод. Пока человек жив, надежда на встречу не угасает, верно?

— Пять дней — это предел, который нам дали. Считая сегодняшний день, у нас осталось всего четыре дня. Позволь мне эти крохи времени побыть с тобой и позаботиться о тебе, хорошо?

— Папа, пощадите, неужели вы хотите укоротить мой век? Как я могу позволить вам прислуживать мне? Для этого есть слуги.

Ань Цзянь, воспитанный в строгих правилах сыновней почтительности, не мог принять подобного. Будь его воля, он и слугам не позволил бы ухаживать за собой, а тут — собственный родитель! Проявление такой заботы тронуло его до глубины души, но казалось совершенно непозволительным.

— Разве чужие люди сделают всё так же бережно, как родной отец? — Фэн Бэйцэ грустно покачал головой. — Раньше я мало уделял тебе внимания, обделял заботой. Теперь, перед твоим отъездом, я хочу хоть немного восполнить упущенное.

На глаза его снова навернулись слёзы. Вспомнив, что сыновья смотрят на него, Фэн Бэйцэ поспешно смахнул влагу широким рукавом халата.

— О чём вы говорите, папа? Отец рассказывал, что когда вы рожали меня, то едва не... Моя жизнь — это ваш дар. Вы ни в чём предо мной не виноваты. Если кто здесь и виноват, так это я:

из-за своей немощи я не могу ухаживать за вами и исполнить долг сыновней почтительности.

Цзыянь свято чтит заветы предков. Он искренне не понимал, за что папа просит у него прощения. В поместье хватало расторопных слуг, готовых выполнить любое поручение, и обременять родителя он считал недопустимым грехом.

Видя, каким рассудительным и понимающим вырос его старший сын, Фэн Бэйцэ почувствовал, как сжимается сердце. Чем послушнее был Цзыянь, тем горше становилось на душе. Перебирая в памяти прошлые годы, папа не мог вспомнить, чтобы мальчик хоть раз о чём-то попросил. Даже в свои дни рождения он никогда ничего не требовал ни от него, ни от Ань Шаоциня.

Нет, постой... Кое-что всё же было. Когда братья были совсем маленькими, Фэн Бэйцэ купил Цзыпину кожаный мяч для игры в цуцзюй. Цзыянь тогда тоже тихонько попросил такой же. Но его здоровье уже тогда внушало опасения, и папа, испугавшись, что ребёнок упадёт или расшибётся, наотрез отказал ему. Это была единственная детская просьба Цзыяня за всю его жизнь — и её так жестоко отвергли.

Позже Фэн Бэйцэ не раз замечал, как Цзыянь сидел в садовой беседке, прижимая к груди свиток «Канона поэзии», и молча наблюдал за тем, как младший брат весело гонял мяч у пруда с другими детьми. Он смотрел с такой тоской и жадной простой детской радости, но папа тогда предпочёл этого не заметить. Теперь, воскрешая в памяти те дни, он сторал от раскаяния. Он пожалел для больного ребёнка такую малость! Лишь сейчас он осознал, что сын давно перерос пору весёлых игр. Хотелось бы порадовать его теперь, да время безвозвратно упущено.

— Папа, брат просто переживает, что вы переутомитесь, — вмешался Цзыпин, стараясь разрядить обстановку. — Посмотрите на себя: вы словно несколько ночей глаз не смыкали. Если отец вернётся и увидит вас в таком состоянии, он вам точно взбучку устроит!

Отношения между их отцом и папой были на редкость нежными, но стоило Фэн Бэйцэ пренебречь собственным здоровьем, как Ань Шаоцинь становился непреклонен, и никакие мольбы и ласки не могли смягчить его строгий тон.

— Ишь чего удумал — пугать меня отцом! Похоже, зря я тебя так балую, негодник, — притворно рассердился Фэн Бэйцэ и легонько щелкнул младшего по лбу.

— Папа, Пин-эр ведь из заботы это говорит, не сердитесь на него, — мягко улыбнулся Цзыянь.

Цзыпин, видя заступничество старшего брата, тут же соорудил папе забавную гримасу. Фэн Бэйцэ лишь шутливо потрепал его по макушке. В тихой спальне разлилось тепло семейного согласия.

Следующие три дня прошли в тихом покое. Загадочный старец неизменно навещал больного каждый день перед самым закатом.

На четвёртый день в поместье наконец прибыл Ань Шаоцин. Он был весь покрыт дорожной пылью.

Едва соскочив с седла, принц-регент не успел ни перевести дух, ни сделать глотка воды — он сразу же бросился в покои старшего сына. Стоило Фэн Бэйцэ увидеть вошедшего, как хрупкая стена напускного мужества, которую он так старательно возводил перед детьми, мгновенно рухнула. С тихим всхлипом он приник к груди супруга.

— Ну полно, полно, не плачь... Ведёшь себя как дитя малое, сыновей бы постеснялся, — ласково прошептал Ань Шаоцин, обнимая любимого.

Хотя внешне он старался казаться спокойным, на душе у него было не легче. Когда пришло первое известие о смертельной болезни Цзыяня, принца-регента охватило истинное отчаяние. Наплевав на императорский указ и государственные дела, он велел седлать лучших скакунов и помчался обратно в столицу. Мысль о том, что его любимый сын, которого он бережно растил пятнадцать лет, может угаснуть в один миг, разрывала ему сердце.

К счастью, вскоре пришло второе послание — Мо Линь отправил его с почтовым голубем. Узнав, что мальчик буквально вернулся с того света, Шаоцин почувствовал, как с его души свалился огромный камень. Однако в письме содержалось строгое предостережение: вернуться нужно было в течение пяти дней, иначе долгожданная встреча могла не состояться вовсе. Подсчитав время, Шаоцин понял, что у него осталось чуть больше двух суток. Он мчался день и ночь без отдыха, загнав насмерть трёх лучших коней, и успел-таки добраться до дома на исходе четвёртого дня.

И вот теперь, держа в объятиях плачущего супруга, он смотрел на спящего сына. Грудь Цзыяня мерно вздымалась под одеялом. У постели послушно сидел младший брат, оберегая покой больного. Ань Шаоцин мысленно возблагодарил небо за то, что успел вовремя. Теперь у него были целые сутки, чтобы побыть с сыном перед долгой разлукой, иначе чувство вины преследовало бы его до конца дней.

Успокоившись в надёжных руках мужа, Фэн Бэйцэ утёр слёзы.

— Янь-эр только что уснул. Тебе нужно поесть, ты ведь наверняка крошки во рту не держал всю дорогу. Я так боялся, что ты не успеешь... Какое счастье, что ты здесь!

— Глупости говоришь. Как я мог не примчаться, когда дома такое творится? Всё поднебесное царство не стоит и волоса с ваших голов! — Ань Шаоцин, в чьем сердце когда-то жили лишь государственные амбиции, давно расставил приоритеты иначе. С тех пор как он полюбил Фэн Бэйцэ, семья стала для него важнее трона. То, что он назвал поместье «домом», а не просто «резиденцией», лишний раз доказывало: принц-регент дорожил своими близкими превыше всего на свете.

— А почему Пин-эр сегодня не на занятиях? Опять отлыниваешь? — Ань Шаоцин строго взглянул на младшего сына. К Цзыпину он всегда был излишне суров. Глядя на него, он невольно вспоминал его покойную мать, чьи интриги и подорвали здоровье его любимого первенца. Принц-регент умом понимал, что ребёнок ни в чём не виноват, и со временем, благодаря уговорам Фэн Бэйцэ, его сердце оттаяло, однако требовательность к мальчику только росла. Впрочем, до того как у Цзыяня случился этот страшный приступ, Шаоцин относился к младшему вполне благосклонно.

— Будто ты не знаешь, как они привязаны друг к другу, — заступился за сына Фэн Бэйцэ. Он всегда брал сторону Цзыпина, когда супруг начинал проявлять излишнюю строгость. — Разве мог Пин-эр спокойно учиться, когда брат угасал на глазах? К тому же завтра Янь-эр покинет нас. Позволь им побыть вместе напоследок.

— Ах, Бэйцэ... Твоя слепая любовь его совсем разбалует, — вздохнул Ань Шаоцин, хотя в глубине души понимал, что супруг прав, и спорить не стал.

— Отец, папа вовсе не «мать», он у нас самый любящий отец! — весело вставил Цзыпин, а затем, спохватившись, с хитрой улыбкой добавил: — И вы, отец, тоже невероятно добры к нам!

— Ну ладно вам, — улыбнулся Фэн Бэйцэ. — Пойдёмте обедать, а к Янь-эру вернёмся позже, когда он проснётся.

Принц-регент вернулся как раз к полудню. На кухне уже давно всё было готово, так что семейству оставалось лишь пройти в обеденную залу.